
ВЛАДИМИР ПОПОВ

ЛЕТО КРАСНОЕ ОЛИГАРХОВ

ИЗ ДНЕВНИКА ПОЛИТОЛОГА

“Хорохорясь против России...”

“...Великороссия хирела, отдавая свою кровь окраинам, которые воображают теперь, что она их эксплуатировала”. Похоже на выдержку из стенограммы II Съезда Советов, когда в горячке горбачевской “гласности” народные витии резали правду-матку, выговариваясь до донышка. Ан нет! Публицист русской эмиграции Георгий Федотов высказывал эту мысль в сочинении, примечательно озаглавленном “Проблемы будущей России”. Временной контекст им сказанного – XIX век, когда уже наметился “отлив сил, материальных, духовных от великорусского центра на окраины империи”. Происходило это исподволь, “помимо сознания и воли людей и почти ускользало от нашего внимания”. Хозяйственное оскудение великорусского ядра империи при Романовых невольно перекликалось с проблемой Нечерноземья в советские времена, когда Политбюро надумало вернуть долги русской деревне и глубинке – тверичам и костромичам, Вологде и Суздалю...

“...Россия не Австрия и не старая Турция, – подмечал далее Георгий Федотов, – где малой численности нация командовала над чужеродным большинством”. Российская империя не была обычной колониальной, не тянула из инородцев, не разрушала национальных очагов, а великороссы поблажек и привилегий от империи Романовых не имели. Напротив, они несли на себе ее бремя – “тягло”... Империи – предприятия затратные. Еще Бисмарк, наказавший немцам никогда не идти на Россию войной, отмечал между тем необыкновенную мягкость русского характера. “...Разве мыслимо ли где-нибудь кроме России, что таможенная граница империи (с финнами. – В. П.) проходит в пригородных дачах столицы империи и что на рынок столицы поутру привозят молоко “из-за границы”, за которую, оказывается, и ввоз оружия затруднен формальностями. Еще немного послаблений в этом направлении, уступочек и улыбочек, и граница, пожалуй, будет проведена через Летний сад, чтобы не оскорблять финляндского легкого пароходства на Неве”. Василий Розанов в сердцах выговаривал министрам царского двора: “Границы воли государства проходят по границам этого государства, и по сию сторону этих границ нет ограждения для его воли”. Это он к тому, что сенат Финляндии, пользовавшейся в Российской империи правами широкой автономии, подстрекаемый Западом, стал проявлять какие-то поползновения на “государствование” сверх всех тех милостей, которые даровал финскому обществу еще Александр I. “Милость – не вексель, по которому взыскивается плата!” – негодовал Розанов. Дескать, Петр и Екатерина Великая хоть и жаловали своими милостями города и края империи, но никогда не стали бы

ПОПОВ Владимир Данилович родился в 1949 году в селе Елбань Новосибирской области. Окончил Свердловский юридический факультет, аспирантуру Академии общественных наук. Кандидат философских наук

рядиться со своей же провинцией... Читая сегодня колючие заметки Розанова об *“украинной кичливости и петербургском смирении”*, невольно подумал о тягостном: недавнем избиении русских в Таллине, осквернении фашиствующими властями Эстонии памятника советскому Воину-освободителю, глумлении над могилами павших героев.

Наш трижды доблестный МИД не впервой блюдет политесы в отношениях с распоясавшимися прибалтийскими этнократиями, даже когда его хлещут по щекам. Упредить надвигающееся кощунство, проявить волю и спокойную твердость тона, применить жесткие, соразмерные дерзости вызова средства дипломатического давления, по обыкновению не публичные, у Москвы возможность, несомненно, была. К ней не прибегли. “Кисломолочным” демаршем вице-премьера Сергея Иванова и обошлось. Этим лишь подзадорили противную сторону. Тупая, вызывающе дикая провокация удалась-таки на славу. На виду у всей Европы Россия снова теряет лицо. “Знать она сильна...”, эта... Эстония. Накануне довелось мне вычитать удивительное, на полном серьезе суждение политолога. Якобы во второй срок путинского президентства влияние России на европейском континенте до такой меры возросло, что повесомей будет, чем даже у СССР при Брежневле. Надо же, а мыто и ведать не ведаем, что Европа трепещет. И вновь “ни одна пушка” там не пальнет? И вот оно, свежее подтверждение!

Думцы и “демократические” наши масс-медиа показали себя в “форс-мажоре” эстонской провокации во всей красе и стати. Конечно, нам, россиянам, больно, вслух рассуждал на радиоволне думец из “медведей”, да как бы сгоряча с этими самыми экономическими санкциями не перегнуть палку! Российский бизнес-де крупные интересы имеет в “транзитной” Эстонии... На словах, снаружи, патриот, а нутро менялы. Таков и весь наш либеральный дискурс в Европе, которая теснит нас, где только можно. Зато комиссар “Наших” Якеменко с бродячей своей театральной массовой активисткой устроил в Кисловском переулке, супостатам назло, недельный “хэппенинг”. Порезвился со своими недорослями на славу. Требовали даже “демонтировать” в отместку старинный арбатский особняк, где окопалось посольство Эстонии, но на первый раз лишь побили стекла. Тетку эту, чрезвычайного посла, “наши” выкурили-таки из Белокаменной и протрубили викторию по всем телеканалам. От всех этих “патриотических” радений в Охотном и Кисловском, от бессилия и глупости власти только стыда на душе прибавилось.

... Все — плохо. Что таллинских нацистских последышей и святотатцев не охолонили загодя, не привели в чувство — Кремлю еще долго придется локти кусать. Ведь за эстонскими пакостниками и ненавистниками встрепенулись и польские потомственные русофобы и прочие “новые европейцы” — беглецы из Варшавского договора. В бытность мою секретарем посольства в Берлине слышал от очевидцев как *наши*, те, что без кавычек, запросто сорвали провокацию в Западном Берлине. Над зданием, в котором немецкие реваншисты, напоказ и вопреки союзническим соглашениям о статусе “вольного города”, назначили выездное заседание бундестага ФРГ, на малой высоте преодолели звуковой барьер советские истребители. И ни одного целого стекла в окнах здания, где назначен был сбор депутатов из Бонна, не осталось. Физически никто не пострадал... “Политкорректность” тогда, конечно, подкачала, но страсти быстро притихли.

Снос памятника Освободителю Европы в неприятельской Эстонии — скверный прецедент. Если бы не нерешительность и двусмысленность намерений и действий российской стороны, конфликт удалось бы разрядить совсем по-иному. А так, тишком, “хотели как лучше...”, а под венец ополчили против нас всю Европу. И НАТО впридачу. В Самаре, на саммите ЕС — Россия, прибалтийские этнократии и польская фанаберия ходили в именинниках. Но у этих “коверных” роль на политическом манеже промежуточная, чтобы занять публику, пока за политическими кулисами идет ожесточенный торг путинского Кремля с Западной Европой.

Про удел “независимой” Балтии, на век вперед, метко высказался Василий Розанов: “...Куда бы ни пришли, в какой бы “союз” ни попросились, везде молча посмотрят на них, как на блуждающего Каина... Это не всегда будет сказано, но всегда будет почувствовано”. “...Хорохорясь против России, — говорил он о гельсингфорских и прочих сквалыжниках, — они только зря тешат свой “туземный” патриотизм. Увы, все малое и должно принадле-

жать к системе. Это не “деспоты” выдумали... И Веллингтона или Кутузова у латышей не будет: будет много воров и разбойников”. Вещие слова... Впрочем, таллинское святотатство лишней раз заставило нас усомниться: какие же они после этого европейцы, “чужь белоглазая”? Умопомрачение в обществе сеют не смиренные обыватели, а маргинальные политики. Никакие они не пастыри нации, да и таковым, непристойным, способом современную нацию не породить.

...Прибалтику знаю неплохо. В ЦК комсомола курировал молодежные организации союзных республик Балтии. И никто меня сегодня не разуверит: если и были когда “толерантность”, “политкорректность”, простое благоразумие и цивилизованность в эстонском обществе, то в те давешние 70-е – 80-е годы. Глубокая автономность и ревниво, но без фанаберии, сохраняемое своеобразие местного нерусского уклада чувствовалось везде и во всем. Кирхи, костелы, дансинги, телевидение, книгопечатание, учреждения – все здесь было наособицу. Местная толковая управленческая элита, да и, пожалуй, общество в целом, по тем временам настроены были вполне конформистски, лояльно к Москве. Правда, никто со стороны эстонцам в душу и не лез. Отношения русской и эстонской общин были сдержанные, но приятные. А благополучное экономическое положение прибалтов, с миллиардными субсидиями из Центра, позволяло им жить безбедно. Не чета соседнему Пскову.

Профашистский переворот 87–90-х годов в Эстонии оказался как снег на голову всем. Даже местным националистам. Эстония не Польша, сколько-нибудь значимого, заядлого националистического и диссидентского движения в Таллине накануне горбачевской перестройки не существовало. Особой ностальгии по довоенной карликовой захолустной “независимости”, когда эстонский сельский хозяин обходился гужевой тягой, я не чувствовал. А про “лесных братьев” и вовсе не было уже толков – не то что бы уцелевших эсэсовцев славить. Конечно, чужая душа – потемки... Все равно про умонастроение эстонцев тогдашних верно было бы сказать: можно жить в свое удовольствие, держа фигу в кармане... В баре “Монета” у ратуши завсегда таи судачили про политику без охоты. И не потому что опасались соглядатаев, это попросту смешно...

Жили себе эстонцы “под оккупантами”, не тужили, лишь финнам завидовали. Перестройщики в Москве их из спячки и пробудили. Когда А. Н. Яковлев, тот, что в Политбюро, перед XIX партконференцией КПСС исподтишка дал эстонским националистам отмашку, вся эта чертова мельница завертелась. Как если бы запустили старую паровую сноповязалку, позабытую внуками в амбаре на хуторе. Яковлев готовил “оборотку” пресловутому пакту Риббентропа – Молотова. Поразительно, но горбачевский ЦК не сподобился на два-три хода вперед предугадать дальнюю предательскую интригу меньшинства в тогдашнем Политбюро. Негласная директива из *Москвы* эстонскому партийному начальству от “архитектора перестройки” понуждала к тихой сдаче власти экстремистам из Народного фронта “в защиту перестройки”.

На съезде “народофронтовцев” новый первый секретарь Эстонского ЦК Вялес, отозванный накануне из послов в Латинской Америке, сиял карибским загаром на “галерке” дворца “Эстония”, где до глубокой ночи творился шабаш “народофронтовцев”. Да так разгулялись вожаки, что даже корреспонденты западных газет, оторопев, переспрашивали, не слишком ли они хватили через край, задираясь с Москвой?.. Ватага националистов поначалу и сама опешила, когда им ни за что ни про что дали вольную. Вот тогда мне и стало ясно, что Прибалтику Горбачев с подельниками сдают. Грядут новые, смутные времена! Ныне все это уже история. Крикунов – “основоположников” независимости из Народного фронта затерла мелюзга еще “отчаянней”. Зато она в большом фаворе у брюссельских покровителей.

“ИМЕ” по-эстонски чудо. Так называлась и популистская программа полнейшего “экономического суверенитета” Эстонской союзной республики – зародыш пронатовской Эстонии ныне. Что дало это самое ИМЕ в “сухом остатке”? Эстония сыта. И приспособилась наживать деньги на своем географическом положении “окна в Европу”. В одном только Таллине, говорят, сотня домов под красными фонарями. Через эстонские порты на Балтике транзитом идут экспортные грузы из России. Из Скандинавии наезжает много туристов. Европейское сообщество подбрасывает деньжат. Квартирьеры натовские тоже раскошелились... Зато уж Эстония избавилась от советской крупной промышленности и высокотоварного сельского хозяйства. Она в ЕС, НАТО,

ЮНЕСКО, везде представляет. Исполкомовские бывшие клерки и бывшие аграрии из захолустий разъехались по миру послами. Чем выращивать полмиллиона тонн свинины в год, веселее просиживать штаны в ассамблеях Европейского Сообщества и в синекурах на Ист-ривер. Эту ораву жрецов “суверенитета” эстонский налогоплательщик кормит, и казна ЕС тоже “отстегивает”. В стране настоящий апартеид. Русских выдавливают. Либеральная Россия им не матушка. Сотни тысяч “неграждан” терпели-терпели... А эстонская новая элита, уличного происхождения, никак не уймется и сама беду на себя накликала. Отдают ли националисты себе отчет, что после дикой расправы над русской общиной тихая Эстония впредь, без пяти минут, *Ольстер*? Мэр Таллина, бывший горячий вожак Народного фронта и знатный русофоб, первым смекнув, всполошился: русских-то в столице половина населения! Пусть эстонские ультраправые во власти у англичан спросят, сколько уже поколений расхлебывают ольстеровскую кашу – не расхлебают...

Глупцы те, кому в Таллине нейдет. Учредителям апартеида в Прибалтике еще придется платить по счету. Этнические конфликты такого рода тяжки. А тем часом “либералы” в Москве горой за “суверенное” право Эстонии поковать с Красной Армией. Позабыли жалельщики, что далеко не все эстонцы присягнули Гитлеру. Многие сыны Эстонии храбро сражались с немцами на нашей стороне. Эстонский стрелковый корпус освобождал от фашистов Таллин. Но об этом знай помалкивают... “Эхо Москвы” из штанов просто выпрыгивает, изворачивается, выгораживая “демократическую” власть в Эстонии... Некий “политтехнолог” в “Коммерсанте” призвал соотечественников к *терпимости*: надо, мол, нам в России понять и “чувства” эстонских громил и темных обывателей к “оккупантам” – Красной Армии. Вот они, северные “европейцы”, и отвели душу... Не нашего, дескать, ума дело, как суверенные эстонцы у себя дома управились... Стало быть, немцы, внуки солдат вермахта, и спустя столько десятилетий ухаживают, с чувством вины в душе, за могилами наших солдат в Трептов-парке, а плененный НКВД эстонский эсэсовец, оказывается, пострадал от “оккупантов”. И родные его, сыновья и внуки, хотят за него покататься, оскорбляя память наших павших. Кто же тогда, на поверку, европеец и кто – дикарь? И кто с кем спелся? Хороший вопрос, ведь так?

И еще одна мысль свербит. О том, чего же мы все – русские, эстонцы, латыши, украинцы, все, кто застал иную жизнь в СССР, лишились, не берегли, на ветер пустили... Ведь прискорбные, безобразные события, подобные таллинским, невозможны, немислимы были в советском укладе жизни. Ужасная, непристойная, даже для националистической власти, подноготная столкновения: произошла *племенная*, отсылающая к средневековью, схватка двух разноязычных и разноверных общин, стенка на стенку. Это какое-то подобие Варфоломеевской ночи. И прямыми подстрекателями выступили не “экстремисты”, а сами власти, которые твердят на каждом углу о своей приверженности европейским хартиям. Без царя в голове? Дремучий провинциализм? Или брюссельские комиссары за горячими чухонцами не доглядели?

“...Россия – единственное уцелевшее государство национальностей, – размышлял перед Второй мировой войной великоросс Георгий Федотов, – имеет перед собой великую задачу: опыт построения политического общежития народов”. Похоже, философ сомневался, что невиданному цивилизационному почину суждено свершиться на деле. К Советской власти он был непримирим, но, как оказалось, напрасно сомневался. Отечественная война, трагедия и триумф народов СССР, показала, что в государстве трудящихся воплотился неременный для удавшихся империй “органический характер объединения наций”. О нем ведь мечтал еще евразиец Петр Савицкий – про “дружество” несхожих народов. На диво и зависть всем в мире оно и было достигнуто в “тоталитарном” СССР – не нагайкой и штыком, а ликвидацией сословного и частнособственнического строя. “Великая задача”, в пример всем поборникам справедливости в мире, осуществилась в СССР. А мы, притомившиеся в “развитом социализме”, этого не ценили, как следовало бы. Обогать “утопию” СССР охотники-злопыхатели не переводятся. Только напрасны их потуги. Империи ведь не буколки. Непростая вещь жить и ладить под одним кровом православным и мусульманам, лютеранам и буддистам, тюркам и славянам... Но ведь еще как ладили! “Тоталитаризм”, “Кей-Джи-Би”, трепет перед “тиранией обкомов” и партийным выговором – глупые, мартышкины объяснения социального, национального и конфессионального

согласия в СССР. К порогу 80-х годов, что бы там сегодня ни измышляли наши “либералы”, небывалое многоэтничное, разноукладное и терпимое общество в СССР сложилось вполне. Но как любая сложная, динамичная, самоорганизующаяся на уровне межличностных отношений система людского общежития, она оставалась “вещью в себе” – была изменчива, уязвима и сокровенна. Увы, сложность ее переросла меру понимания и государственного мышления закостеневшей советской властной элиты. Партийное “богословие” испытывало оторопь перед этим народившимся не по лекалам истмата Сверхобществом – невольным творением советской истории.

Теперь даже каины бьют себя в грудь, что “хотели как лучше”, когда рушили СССР, стравливали народы-соседи, растаскивали по национальным квартирам обломки великодержавия. И валят вину на... коммунистов. Да, подельник “демократов”, генсек лишь в последний момент улизнул из КПСС. Про Форос, финал предательства, мы еще не запомнили... Но хорошо помним, кто на самом деле подпиливал опоры империи, подстрекал и идейно окормлял “парад суверенитетов”, расчетливо стравливал национальные общины в Карабахе. И кто в верхах номенклатуры, надвое расколовшейся, как сухое полено, бессовестно спроворил дикие постановления правительства “суверенной” РСФСР о “двойной” юрисдикции хозрасчетных предприятий. И еще попомним, кто из заводил “демократической” бузы бегал попеременно на Старую площадь и, тайком, в Спасо-Хаус за инструкциями. А бывший генсек как огурчик бодр не по годам, кичится своей геростратовой славой. “Разрушитель советской империи”!.. Несчастный безумец, знал ли он, на что руку поднимал?

... В таллинскую ночь позора, побоища, низости одних и гордости, непокорства других все мы, где бы ни оказались сегодня, простились с высокой Советской Цивилизацией, Красной империей уже навсегда.

Скоморохи нас рассудят?

... Ни прощения, ни забвения, ни искупления. Вот нравственный приговор народной совести Борису Ельцину. С тем и проводили его, “страстотерпца”, в мир иной. “Новые русские” сильно горевали по своему благодетелю. А по ту сторону от Рублевки простой люд не больно скорбел. Кротость, а не хула, однако, таилась на сердце у большинства.

Депутаты-коммунисты не преклонили головы на поминальной церемонии в Охотном. Немцовы не преминули обличить их в “кощунстве”. Не по-христиански, мол, грех... Не им, на ком воистину креста нет, учить нас, великороссов, евангельским заповедям. Госдума – не храм Божий. Здесь обычаи мирские. И попреки нам набожных “пустосвятов” – ханжеские. Есть на свете такие грехи, которые никому не дано ни простить, ни замолить. Так и слышу полный веры и скорби голос юродивого в исполнении гениального Козловского в “Борисе Годунове”: “Нельзя молиться за царя-Ирода!”

Исследователи России находят у великороссов своеобразие следования духу Евангелия в применении этики Христа к общественной не менее, чем к частной жизни. Философ Николай Лосский отмечал, что в России “духовенство борется со злом духовным духовными средствами, а государство средствами принуждения. Неудивительно, что духовенство, зная силу зла, ценит государство как борца против зла”.

Является ли нынешняя олигархическая власть в России, “первородный грех” которой – кража общественной собственности малым меньшинством, тем самым “борцом против зла”? Думаю, даже такая постановка покажется многим неуместной. Тогда как быть Церкви, когда сребролюбие во власти правит? Мне, простому мирянину, не быть судьей отцов Церкви. И все-таки никуда не уйти от чувства, что Русская Православная Церковь, которая имеет несравненно более высокий авторитет сейчас, чем партии, бюрократия, сословия и даже армия, могла бы быть влиятельней и строже, непримиримей к грехам власти. Самым драматическим, печальным образом это примирительное отношение к несправедливой богопротивной власти, увы, проявилось в дни накануне кровавой расправы ельциноидов над Верховным Советом, мученической гибели его защитников. Тогда, в октябре, у многих еще теплилась надежда, что в Свято-Даниловом в последний час перед трагедией произойдет примирение враждующих чад Церкви и Патриарх строго накажет противобор-

ствующим сторонам не проливать крови – под страхом отлучения от Церкви. Но не сложилось...

Патриарха не было на отпевании виновника братоубийства – экс-президента. А на сороковинах ельцинских мы все видели Предстоятеля, и это многих смутило. Ведь сороковины, кажется, частное, семейное поминание? Моя смиренная мысль простая. Радуюсь, как и все, возрождению духа православия в обществе. Хотелось бы, однако, чтобы пастыри Церкви не были так близки к власти предрешающим, оставляя за собой свободу нравственного суда поступков и прегрешений власти. Несогласие с кричащей социальной несправедливостью в обществе, заявленное на Русском соборе устами митрополита Кирилла, поддержали, думаю, все миряне *соборно*. Социальное учение Церкви востребовано сегодня как никогда.

... Чистое фарисейство, будто бы мы, современники, не судьи Ельцину, этому “выдающемуся” властолюбцу. Потомки с нас еще строго взыщут, что отдали малодушно страну на поругание безумцу, прислужнику ее недругов. Не Стенька Разин уральскому “удальцу” предтеча, а Тушинский вор. А ведь чуть ли не в русские линкольны – отцы демократии записали. Словославят до сих пор без меры барвихинского бирюка и сумасброда. Людишки из президентской челяди умильные байки рассказывают, “каким он парнем был” и каков был Ельцин потаенный – ума палата и тонок душой. “Величие” усопшего, дескать, сокровенное и до поры миром не распознано. “Эпохе Ельцина”, вещают льстецы и фарисеи, еще воздастся от будущих поколений. Поди догадайся, чего же он, несуразный во всем, сотворил такого уж *великого*? Говорят, освободил Россию от чудовища “тоталитаризма”. И ради этой цели чуть не угробил страну. Отбросил Россию к границам XVIII века. Такова плата за “свободу”? Однако олигархи и наши либералы – прихвостни Запада считают эту плату сносной.

Никчемность и нелепость потуг посмертно возвысить Ельцина слишком уж на виду. Неспроста самые глубокомысленные “размышлизмы” об ушедшей эпохе в дни поминания произносили с экрана скоморохи, вроде Хазанова. В “калинарном техникуме”, что ли, запасся он великой мудростью, чтобы тревожить промысел провидения в образе незабвенного Бориса Николаевича? Другие лицедеи и златоусты из артистической братии тоже плели какие-то “философские” эзотерические кружева, но путались и сбивались в околичностях. Одни лишь неприкормленные политологи и историки держались по большей части в сторонке.

Неловкость для президентской власти в том и была, что из приличия она не могла не вторить фарисейскому хору плакальщиков. Заедало лишь, что тон прославлению “эпохи Ельцина” задавала либеральная фронда путинскому режиму. “Демократ, всем своим нутром”, Е. Б. Н. противопоставлен был “отступнику” и “самодержцу” В. В. П. Трizonой по первому российскому президенту негласные пособники и потатчики антипутинской интриги в российском истеблишменте ловко воспользовались. И не просто, чтобы отвести душу, выговориться, но открыто, на виду всего западного мира, подкузьмить “питерских”, выставить им счет за мнимое отступничество от “духа свободы” 90-х годов. Тут-то еще раз и выявилась двойственность путинского режима. Либеральная, олигархическая, прозападная его природа не могла не уважить ельцинизм. В присутствии двух экс-президентов США “питерские” отдали ликвидатору СССР последний поклон. Торжественно посулили увековечить память первого президента учреждением Ельцинской библиотеки. В Екатеринбурге, на родине, даже примеривались, рассказывают, к *Ельцинбургу*, да вовремя унялись, сделав оглядку на Кремль, для которого ельцинское наследие давно уж в тягость.

... Добро или зло принес Ельцин России? В телевизионном ток-шоу у Соловьева мнения об этом схлестнулись. “За” и “против” телезрителей поступали на экран в режиме реального времени. На виду всей России двое спорщиков – записных ельциноидов яростно нападали на одного русского государственника Проханова, который коротко, как гвозди вколачивал, выложил известный реестр государственных преступлений Ельцина Б. Н. Крыть оппонентам оказалось нечем, а потому они тотчас сбились на привычную истерику, театральное заламывание рук и прямые оскорбления. На Привозе биндюжники вели себя в перебранках пристойней... Весь короб наветов и небылиц о “преступной” Советской власти немцовы и высыпали. И что же?

В соотношении пять к одному телезрители вынесли свой вердикт – зло! Ельцинизм принес зло России.

У власти, говорят, президент-прагматик. Но не настолько, думаю, он прагматик, чтобы открыто стать на сторону общественного мнения. Потому мы еще поаемся в сгущающихся сумерках ельцинизма.

Эсеры взялись за “рогатину”?

... На политической сцене заявила о себе новая левая партия – “Справедливая Россия”. Так, по крайней мере, они себя “позиционируют” устами лидера Сергея Миронова. Известно, эта “черешня скороспелая” – очередной проект Администрации президента.

Как показали последние выборы, “эсэрам” палец в рот не клади. Они потеснили “медведей” в их уютной политической “берлоге” в Охотном. Мыслимое ли дело, прерогатива “правлящей” партии оспаривается! Правда, зачинщики новой партии рассчитывали промышлять потравой на поле КПРФ, увлечь за собой часть ее сторонников. Вожди “Справедливой России” тайны из этого тоже не делали. Однако голосующие за коммунистов держат ухо востро и на “социалистическую” наживку спикера верхней палаты не клюнули. Думаю, новые эсеры если и могут где разжиться голосами, так это только среди тех, кто “голосует сердцем”.

Мироновцы осмотрительно отнеслись к полемике на левом политическом фланге. Весь их пыл вылился в перепалку спикеров – Миронова с Грызловым, и первый проявил большую задиристость. Не скрою, глава Совфеда меня удивил. Оказался деятелем азартным, целеустремленным и кое в чем преуспел. Только напрасно наводил тень на плетень – “социалистический выбор”, “истинное народовластие”, “социальная справедливость”... Лозунги эсеры похитили у КПРФ, взяли напрокат, за неимением своих. Я бы хотел услышать, что бы ответил на один “простой” вопрос пламенный вождь эсеров, да и не только он, а все лидеры левых партиек, которых полным-полно развелось. Господа-товарищи, придя к власти, что вы поделаете с олигархами, “золотником” всей нынешней системы власти? Это вопрос на засыпку для всех ваших высоких идейных помыслов и популистских экономических программ. Молотить битой по чучелу супостата-олигарха – занятие упоительное. В офисах японских компаний точь-в-точь так же вымещают свои мстительные чувства к боссам клерки-подчиненные. Отведут душу и дальше, опрометью, бегут выслуживаться...

Уверен, что к выборам в Государственную Думу выводы в Кремле сделают “правильные”. Боевой задор новой партии направлен будет исключительно на конкуренцию с КПРФ. Коммунисты приняли вызов “новых левых”. Борьба предстоит длительная и жесткая. Следует быть готовыми к появлению все новых “душеприказчиков” социалистической идеи, которые повадятся набиваться к КПРФ в соратники, но при первой возможности постараются задушить в “дружеских” объятиях. Нынешняя политическая элита ни за что не уймется в своих помыслах “погашения” коммунистической идеологии. По той простой причине, что так и не создано ничего путного, что можно было бы ей противопоставить. У олигархического строя и не может быть никакого созидательного начала. “Недостаток умственных сокровищ заменить гривенником” – вот и весь, вкратце, философский “дискурс”.

Заветы тетушки Мэгги

До тех пор, пока правит бал олигархический капитал, демократии в России не будет. Национальная, отвечающая российским условиям народная демократия возможна только тогда, когда лидеров партий, самих избирателей не будут покупать, а в России это происходит повсеместно. Таков норв олигархии, крупного капитала, обустройствающего мир под себя, своекорыстные экономические и политические интересы. Об этом убедительно говорил И. Сталин еще в мае 1946 года на встрече с польскими руководителями, предупреждая, что именно крупная буржуазия превращает “свободные выборы” в фарс. К слову, для несведущих, Сталин далеко не сразу согласился на установление коммунистического правления в странах Восточной Европы. Поначалу он предполагал создание особого типа демократий, отличающихся и от

советской, и от западных моделей. Он допускал, что социалистические преобразования могут пройти без национализации средних и малых предприятий.

Второе препятствие на пути к народной демократии – чрезмерное усиление бюрократии в исполнительной ветви власти. Она “эффективна” в методах манипулирования избирательным процессом, гораздо в подкупе, бесконтрольном распоряжении бюджетными деньгами. Немаловажное значение имеет этническая принадлежность большинства владельцев “газет, пароходов”. Непропорционально высокий удельный вес среди них евреев. Они всегда будут хозяйничать с оглядкой на мнение мировой еврейской элиты, мечтая быть принятыми в ее святая святых, Корпорократию, как это изловчился проделать Роман Абрамович. И в случае конфликта с государством, на словах заявившим наконец-то свое суверенное право на определение политики, главенство национальных интересов, они, как беглый медиамагнат Гусинский, финансист Невзлин и десятки других “авторитетных” бизнесменов, обретут убежище в Израиле. Это их самая надежная страховая компания, располагающая огромными финансовыми и лоббистскими возможностями, опытом в защите своих “клиентов”.

Поэтому сужение роли олигархов в экономике России, и прежде всего в сырьевых отраслях, – вопрос государственной безопасности, а значит, и всего будущего страны и народа. Экспортеры сырья поневоле зависимы от мирового рынка. Интересы национальной экономики для них вторичны. Это старая, возобновляющаяся коллизия: еще в предреволюционной России, в пору раннего российского капитализма, “сырьевики” свой корпоративный интерес ставили “впереди телеги” и на Запад неизменно глядели.

И вновь поперек пути возрождения страны стеной стоят доморожденные олигархи и компрадоры. Впрочем, ирония уже не уместна. Сегодня они “в законе” и наладились покупать респектабельность через сделки о слияниях с западными компаниями. Но никто не запомнил, так и не прощено им, что свои миллиардные активы они, по сути, задаром получили, выманили из рук Ельцина, который в то темное безвременье мог запросто, вслед за Людовиком XIV, возглашать, что “Государство – это я”. “Гарант” уж что хотел, то и воротил, без ума и даже рассудку вопреки отламывал куски народной собственности и раздавал своему окружению, разного рода хватам. Наш крупный капитал набил руку в делании “профита”, но этика собственности осталась ему чужда. Никак не проникнутся олигархи бережливостью – добродетелью “больших денег”, а уж про социальную ответственность бизнеса в РСПП лишь псалмы еще только разучивают. Им по душе мораль тетушки Мэгги (Тэтчер), которая провозгласила осанну частному интересу: “*Не существует такой вещи как общество*”. Вот это окаянство, крайности западного ультралиберализма нашим олигархам что бальзам на душу... Без оглядки на интересы общества и экономики они наперегонки тратят свои барыши на лихорадочную скупку активов за границей, не говоря уже про купеческий размах кутежей, загулов, расточительных чудачеств. Зато каждый грош, пожалованный ими “на бедность” или меценатские прихоти, услужливо прославляется масс-медиа – “непрофильным” активом стальных и алюминиевых скоробогачей.

Чем еще обусловлена незадачливость наших “рыночных” реформ? Государство, ограничившее себя в деле управления экономикой ролью “ночного сторожа”, навлекает, заведомо, на себя коррупционную атаку. Оно само подвигает узкий круг дельцов в олигархи, которые в сообщничестве с чиновниками создают прочную связку “по интересам”. И набивают карманы, удваивают состояния за счет сговора с бюрократией, отхватывают куски госсобственности, наживаются на госзаказах. Хороший куш перепадает чиновникам на всех этажах власти, снизу доверху.

Нынешняя власть в России так и осталась под экономической пятой олигархов, “охладевших” к политике. Как бы ни ручался Кремль о “равноудалении” последних. *Нельзя удалить то, что является твоей сутью.* Не знаю, на кого уж рассчитаны эти изначально лукавые утверждения. Кремль, вероятно, искренне полагает, что “равноудалив” Ходорковского за Можай и усадив на чемоданы еще кое-кого из “прихватизировавших” лишку при прежнем хозяине, он снял заклятье с неправедно нажитых капиталов олигархии как класса правящего. Заодно увернулся от нелюбимых вопросов к себе.

Простаков, радующихся любой благодати от власти, глядишь, все меньше. Для большинства людей пытливых и самостоятельных вывод напрашивается

жесткий. Олигархию можно приструнить только в два приема: пересмотреть итоги незаконных приватизационных сделок, признав их ничтожными, и все национализировать и одновременно, выказав политическую волю и подкрепив действия власти законодательно, жестко, железной рукой расчистить Авгиевы конюшни правительства и аппарата президента, где и поныне пребывает вся эта “кухня”, где расторгивают национальное богатство и интересы. Согласен, что решиться на такое мудрено, но это ведь не только вопрос справедливости и торжества права, но еще и экономически оправдано. Производительные силы общества, труд и предпринимательство раскрепостятся, выйдут из темницы “либерализма” на волю.

Наибольшее коррупционное влияние на власть имеют сырьевые олигархи ельцинского призыва. Правда, и новое пополнение “списка Форбса” времени даром не теряет. Между тем в сохранении олигархической модели давным-давно нет никакого экономического смысла. Это своего рода “реликт” ельцинского безвременья. В мире все крупнейшие корпорации являются либо государственными, либо акционерными, ренты национализированы, а собственность корпораций через фондовый рынок распределена среди миллионов держателей акций. Промышленные империи одного владельца – нонсенс, но в России это запоздалое торжество чистогана выдается за подтверждение “свободы” рыночных отношений.

Мы не должны оставлять во владении 100 семейств достояние, что принадлежит нам, по выражению академика Дмитрия Львова, от Бога. Никакое увеличение налоговой нагрузки не искупляет присвоение природной ренты. Пора уже, коль не хватает решимости национализировать, перевести частные сырьевые компании на положение предприятий, работающих с “давальческим” сырьем, вернув в государственную собственность все извлекаемые из недр богатства. Общество поддержало бы президента, решился он на такой поворот страны. Кто-то возразит – слишком жесткая мера, а я скажу – справедливая, назревшая и очень даже рыночная.

Понятное дело, Запад отнесется к такому, пока гипотетическому, повороту в России нервно, потому что это идет вразрез с его задумкой “интернационализировать” российский ТЭК. Выговаривая Западу, что он зря попрекает Кремль в том, что государство ретиво прибирает к рукам “нефтянку”, Путин нечаянно проговорился, что 26 процентов нефтегазовых активов российских компаний уже и без того принадлежит западному капиталу. Под вопли о “национализации” тихой сапой транснациональные компании участвуют в сверхприбылях нефтегазового сектора России. Чем же благодетельствовали нас западные портфельные инвесторы “нефтянки”? Новые технологии, современный менеджмент, экологическая культура? Свежо предание! ТНК в России ведут себя, наш президент несколько не преувеличил, на манер старых колонизаторов.

В современных российских условиях крупные промышленные корпорации с решающим участием государства крайне нужны. Только они, располагая финансами и технологиями, способны побеждать в конкурентной войне. Корпоративное и государственное управление должны быть слитны. Это высший пилотаж современного управления. Государственно-частное партнерство, за которое ратует, пока больше на словах, правительство – не тот случай. За этой новацией маячат групповые интересы чиновников различных уровней и “аффилированных” с бюджетными источниками компаний. Частный интерес побивает государственный. Имея значительный опыт работы в крупных банках и корпорациях, убежден, что *госсобственность в условиях рынка работает не менее эффективно, чем частная, а зачастую лучше*. Все определяется уровнем менеджмента и стратегического управления. Правда, при одном простом условии – собственность не расхищается бюрократической ратью. Зло это, без сомнения, огромно, но правительству пора перестать заниматься самобичеванием и под лукавую отговорку о заведомой неэффективности госсобственности распродавать оставшиеся лакомые куски. По моим наблюдениям, в частных компаниях в России воруют на всех уровнях управления и “уводят активы” еще пуще, чем на госпредприятиях. Первопричина одна, главная – “прихватизация” 90-х годов и ее апофеоз – залоговые аукционы, которые именно Путин и узаконил. Так он, по сути дела, снял нравственные ограничения, да и простую острастку новым поползновениям поживиться за счет казны.

Решая стратегическую задачу развития национальной экономики, госу-

дарство просто вынуждено будет перейти в отношениях с крупным бизнесом на договорные отношения, ясно фиксирующие взаимные обязательства сторон. Власть обеспечивает стабильное законодательство, в том числе и налоговое, гарантирует для законопослушных предпринимателей неприкосновенность их собственности и поддержку в нужных для страны инвестициях, а также всемерную протекцию на внешних рынках. Ведь за пределами наших границ, на жестко регулируемых рынках, российскому капиталу не очень-то дают ход.

Негоже и государству относиться к крупному бизнесу, как к страховой компании, перекладывать на него свои неисполненные социальные обязательства перед обществом. В противном случае оно никогда не сможет выработать взвешенную стратегию экономического развития страны. А крупный бизнес, в свою очередь, будет норовить вмешиваться в компетенцию правительства, навязывать ему свои условия. И вновь домогаться для себя немислимых преференций. Государство просто обязано быть “заказчиком” структурных экономических проектов, выступая в роли надежного партнера, соинвестора и гаранта.

Родовая болезнь крупного российского бизнеса – отсутствие социальной ответственности. Это вообще-то природное свойство частного капитала. Без понуждения его со стороны государства он крайне редко приходит к пониманию, на первый взгляд, простых материй. *Понуждение властью олигархического капитала к участию в социальных обязательствах должно быть постоянным и системным.* И не зависеть от их добрых отношений с тем или иным чиновником регионального или федерального уровня. Оно должно быть неотвратимым, по форме напоминать коллективный договор, который заключался в советское время между профсоюзами и дирекцией предприятия.

Как Кудрин фон Хайека послушался

Словно святцы МВФ десятилетней давности, зачитывают по “ящику” попеременно свои нудные откровения Кудрин, Греф, Христенко... Оказывается, все они в правительстве год за годом сиднем сидели, потому что, вот так незадача, денег в бюджете было в обрез. А сегодня, когда нефтедолларов – чертова прорва, они, власть, что та сороконожка, никак не угадают, как ступить, стронуться с места. Долго держались – крепились против поползновений неугомонных кейнсианцев в Думе и предпринимательских кругов, требовавших растрясти кубышку Стабфонда. Наконец, ближе к выборам, смилоствились. С многочисленными оговорками, проволочками учредили государственный инвестиционный банк с довольно скромным уставным капиталом. Сладилось вдруг и неподъемное кредитование экспортных контрактов. Кудрин докладывает тем временем президенту, как “рачительно” он складывает “лишние деньги” в кубышку Стабфонда. Теперь он поделен надвое. Деньгами налогоплательщиков пополняется Фонд будущих поколений. А нынешнему жить при развитом капитализме, видно, не судьба.

Недавно Минфин ознакомил публику с “калькуляцией” – к 2020 году государство истратит заначку до копейки, если тренды нефтяных цен останутся или, того хуже, развернутся вспять. Апофеоз пребывания путинской команды у власти – не стратегический, программно-целевой, как в Китае, долгосрочный план развития страны и экономики, а всего лишь трехлетний бюджет правительства. Своего рода перл бухгалтерской предусмотрительности. Глава правительства, министры излучают гордость изобретением “трехлетки”. Как будто бы не было семи десятилетий государственного планирования в СССР, опыт которого практично переняли многие ныне процветающие страны с рыночной, но регулируемой экономикой.

Краснопресненская все положила на борьбу с инфляцией. Дорогой ценой изъятия из экономики оборотного капитала и инвестиционного ресурса под видом “лишних денег”. Зато сотни миллиардов нефтедолларов, что пронесли мимо отечественной экономики и разваленных социальных инфраструктур, весьма пригодились “первоклассному заемщику” – дяде Сэму, который издержался в пух и прах. “Санации” Минфина – “Бой Руслана с головой” – чудидцем инфляции, всякий год увенчиваются по знаменитой присказке “не столько сражались, сколько были сражаемы”. Если бы они, наши лжемонетаристы, хорошенько проштудировали почитаемого ими Августа фон Хайека, то из его труда под характерным названием “Пагубная самонадеянность” могли бы кое-

что вычитать, зарубить на носу: "... До сих пор совершенно неизвестно, что такое хорошие деньги и насколько они хороши?" Путинскому "счетоводу", видать, и фон Хайек не указ: "нехорошие" для российского хозяйства нефтедоллары тотчас же становятся "хорошими", когда оказываются в закромах Федеральной резервной системы США. А нью-йоркские менялы на весь мир расторгивают сомнительные облигации. Такого смысла макроэкономическая политика наших денежных властей, опять же по Хайеку, "отдает колдовством".

Все минувшие пятнадцать лет Россия была полем для безответственных экспериментов, которые терзали ее живое тело настоящим ликбезом для пригитовишек, из кресел м. н. с. и зав. лабов вознесшихся в министры и вице-премьеры. Третье поколение "младореформаторов" сменилось в верхах, а все без толку... Если "монетаристы" первого призыва были "революционерами" и доктринерами, то нынешние – приказчики и педанты. Недалеко ушли от своих предшественников выдвиненцы из "питерских", совершившие головокружительный прыжок с низового муниципального уровня в руководители важнейших государственных структур. Не очень-то они преуспели в понимании предмета своей деятельности. Некомпетентность подходов и грандиозность проектов, сметной их стоимости иной раз просто устрашают. Чего стоит один только мегапроект зимнего олимпийского комплекса в Сочи со сметой под 15 миллиардов долларов. Патронирует его Минэкономразвития. Похоже, это любимое детище министра Грефа, с благословения самого президента. Что и говорить, дело хорошее, престижное, но едва ли неотложное. Оглянитесь кругом, "олимпийцы"–небожители! Экономическая разруха на Северном Кавказе, повальная безработица, перенаселенность, вырождение хозяйственных укладов, раскаленная докрасна социальная напряженность – от Майкопа до Хасавюрта, вот где неотложная, драматическая повестка дня для федерального центра. Ответственное правительство, взвесив все холодной головой, эти 15 млрд долларов инвестиций потратило бы на чрезвычайную целевую программу восстановления экономики бедствующего Северо-Кавказского региона. А не ввязывалось бы в праздную и сомнительную затею превращению Красной Поляны в "новорусский" Куршавель!

Однако куда там, одна малахольная идея Минэкономразвития следует за другой, еще круче. Герман Греф на полном серьезе толкует уже о мегапроекте, который живо напомнил мне о "заговорщическом" замысле прокладки тоннеля из Бомбея в Лондон в фантазмагорической сатире Абуладзе "Покаяние". Такова же, не от мира сего, футуристическая идея Грефа об инвестициях в 50 млрд долларов в постройку моста через Берингов пролив и железной дороги с Аляски в Якутск! Геополитическая задумка загадочного консорциума инвесторов знатная: минеральные ресурсы сибирской Ойкумены восточнее Лены рекой потекут напрямиком в американскую экономику. Сам пан Бжезинский, глядишь, запишется в пайщики. На эту авантюру янки рады будут раскошелиться. А нам-то на кой? Если бывший районный юристконсульт, по-хлестаковски, не залетал бы мыслью так далеко, за Берингов пролив, то нашлись бы дела у нас подешевле и понасушнее. Например, продолжить действующую железную дорогу Транссиб–Уренгой до Норильска. Полуостров Таймыр с его промышленностью и минеральными ресурсами коротко свяжется по суше с материком. Но масштаб не тот! И геополитические смыслы иные... Никита Хрущев в 53-м году со всей волюнтаристской скоропалительностью, в пику "разоблаченному" сталинизму, забросил уж почти построенную лагерниками невероятными трудами стратегическую железнодорожную ветку вдоль Полярного круга, связывавшую Норильский комбинат и устье Енисея с Большой землей. Удивительно, но один из полустанков, мимо которого уже ходили по рельсам рабочие поезда, находился в беззвучном глухом урочище Уренгой, где спустя два десятилетия знаменитый, недавно ушедший от нас первооткрыватель сибирской нефти Фарман Салманов во главе Главтюменьгеологии разведдал крупнейшее на планете газовое месторождение – Уренгойское! В 70-е годы грузы строителям промыслов и города доставлялись с пятью-шестью перевалками, а железная дорога пришла в Уренгой, когда газ Приполярья уже достиг Италии! Тут-то и помянули недобрым словом "Микиту" и тихо дивились прозорливости "деспота" Сталина.

Почему Гейтс ваньку валял

Ильин в своей книге "Сущность и своеобразие русской культуры" утверждает, что Россия большую часть своей истории была осажденной крепостью.

Он привел подсчет: с 1368 года по 1893 год – на протяжении 525 лет было 220 лет войн, то есть каждый второй год русские “выходили на рать”!

В 1918 году в Лондоне появилась географическая карта, на которой Кольский полуостров, богатый никелем, был окрашен в зеленый цвет английских колоний. Год спустя американский госдепартамент, оповестила читателей одна из влиятельных американских газет, составил специальную карту России, на которой русским отводилась лишь Средне-Русская возвышенность. Остальные территории бывшей Российской империи, в том числе Сибирь с ее несметными богатствами, должны были отойти к США, Англии, Японии... И вот старые вождения времен интервенции в Россию стран Антанты и Америки возобновились с новой алчностью.

После падения монархии Романовых, при Временном правительстве, Россия стала объектом колонизации западных стран. Октябрьская революция пресекла вторжение в Россию западного капитала. Поражение колчаковского и врангелевского белого воинства, которое не перестает горько оплакивать сегодняшняя официальная пропаганда, означало и “облом” бизнес-планам детердингов и ротшильдов поживиться на непочатых природных ресурсах России. Контрреволюция августа 1991 года повернула историческое время вспять. Хотя перестройщикам и либеральным “курсисткам” мнилось, что это и есть выстраданный “борцами” прорыв страны в прекрасное буржуазное будущее. Но “свобода” и “демократия”, как выяснилось, оказались своего рода Троянским конем, на котором в Белокаменную тишком въехала “новая Антанта”. На этот раз она сговаривалась не с колчаками и деникинами, а с бурбулисами и гайдарами, которые даже в “племянники” Омской директории ни умом, ни рылом не вышли...

Выживание Запада как цивилизации, это уже давно стало общим местом всех политологических раскладов, возможно только за счет колонизации территорий и завладения природными ресурсами в глубине Евразийского континента – от Каспия до Камчатки. Срыв этого предприятия и возвращение восояси в национальные квартиры для Запада равносильно упадку, угасанию старых очагов цивилизации. Евразиец Петр Савицкий в книге “Борьба за империю” рассуждал: “...В последние годы колонии поставляли только 1/3 необходимого Англии сырья. Две других трети поставляют чуждые страны, часто недоступные для английских фабрикантов благодаря таможенным тарифам. При таком обмене экономическое расширение Англии может превратиться в *эксплуатацию Англии ее поставщиками сырья*”. И требование “самых ярых британских империалистов”, по Савицкому, сводилось к установлению *общеемперского* тарифа, который давал бы особые преимущества торговле метрополии с колониями и обеспечивал “неразорительный для Англии характер ее экономического расширения” теми культурными и политическими гарантиями, которые даются империалистическим объединением. Напечатано это было в 1915 году в “Русской мысли”, а сегодня прочитывается удивительно по-современному. Петр Савицкий еще за сто лет до наших дней раскрыл подноготную и весь умысел грядущей глобализации и “открытого” торгового режима Всемирной торговой организации (ВТО), на соблазны которого раскатали губу наши “простодыры” – либералы в правительстве. В годы накануне Первой мировой, рассуждал Петр Савицкий о “борьбе империй”, Россия для Германии была крупным поставщиком льна, пеньки, зерна... Но по мере возраставшей из-за бурного развития индустрии концентрации капитала Россия представляла и возрастающую конкурентную угрозу для германской экономики. “Немцы не могли быть спокойными за свое экономическое расширение, – подмечает Савицкий. – ...Существовала большая опасность, что новый торговый договор или те или иные русские правительственные мероприятия могут, при поддержке общества, ограничить или вовсе свести на нет те выгоды, которые Германия получала от торговли с Россией”.

Экономист Фридрих Лист, идеолог империалистического расширения германского национального хозяйства, еще в начале XIX века утверждал: “...Цивилизованные народы с непреодолимой силой побуждаются природой перенести свои производительные силы на менее культурные страны”. Обоснованное Фридрихом Листом как неизбежность империалистическое расширение германской экономики достигло пика к порогу Первой мировой войны. “Народы мира несут Германии дань за то, что она обслуживает их своими капиталами”, – с прусской спесивостью утверждал последователь Листа

Рорбах. Между тем перед 1914 годом товарообмен Германии и России вышел на первое место, вровень с Соединенными Штатами. Интересы империалистического расширения Германии все больше сталкивались с российскими. Германия добивалась гарантий, особо подчеркивал П. Савицкий, чтобы "...никакое русское правительство не пыталось пошатнуть или воспрепятствовать дальнейшему экономическому расширению Германии в России, не пыталось бы сделать из России замкнутое внутри себя хозяйственное целое". Мысли Петра Савицкого, и это не простое совпадение, поразительно точно обнажают напряженный смысловой контекст саммита ЕС – Россия в Самаре. Самара для наших "западников" во власти стала своего рода Каноссой. Они – в замешательстве. Коса наткнулась на камень. Как далеко зайдет глухая размова Кремля с Европой? Им, алчущим страсбургского пирога, отказали от дома!

Уж и то неплохо для протрезвления общественного мнения, что Самара вывела на свет, обнажила вековую подноготную наших неладов с Западом. По сути, она все та же, что так ясно, в назидание потомкам, изложил Савицкий, а именно: "...не смей препятствовать экономическому расширению" теперь уже транснационального капитала (ТНК) в России, не покушаться на воссоздание оживающей российской экономики как "хозяйственного целого". Мы и без того потеряли полтора десятилетия после "лучезарного" августа 1991 года. Мир далеко вперед ушел, куда российская власть пробавлялась "залоговыми аукционами", а в заброшенном павильоне "Космос" на ВДНХ макеты советских спутников и "лунников" были краплены голубиным пометом. Теперь, когда "плюшкинское" состояние хозяйства в 90-х миновало и ресурсов под рукой бизнеса и власти, по везению необычайному, с лихвой, российская экономика все еще остается в полоне у доморожденных олигархов и мировых менял.

"...Исторические часы России отстали, – в этом не может быть никакого сомнения, – писал в те же годы, что и евразиец Савицкий, в канун Первой империалистической, петербургский публицист Петр Перцов. – При такой экономической даровитости, что будет мудреного, если через полсотни лет Россия окажется обандероленной по рукам и ногам лентами таких торговых договоров, которые сделают ее de-facto вассалом иностранных держав, оставляя ее de-ure "суверенной"?"

Перцов не угадал. Через сорок лет была Ялта! А еще через двадцать Россия-СССР стала сверхдержавой, второй по мощи экономикой мира. В сфере советского влияния находилась уже половина мира. Но прозорливый Перцов, увы, предугадал то, что грянуло впоследствии, после 1987–1991 годов, когда Горбачев положил власть к ногам разношерстной "партии измены", которая именвала тогда себя "демократической". Мало кто теперь усомнится, за вычетом олухов и лукавцев от политики, *что настоящая и низменная цель Запада и поныне – разрушение России с любым, хоть сколь угодно "либеральным", социальным строем.*

После распада СССР все мы, и власти, и подданные, до сих пор никак не можем взять в толк – кто же мы теперь? С кем мы? К какой цивилизации призываем? Давешние безголовые "новомышленческие" посулы "перестройщиков" "воссоединиться с Западом" уж давно лопнули как мыльный пузырь. На этот счет еще в 1989 году, в самый угар горбачевщины, авторитетный немецкий политолог Ральф Дарендорф в исследовании "Размышления о революции в Европе" высказался без обиняков и, по сути, здраво: "Европа – это попытка небольших и средних по размерам стран договориться с тем, чтобы вместе определять свою дальнейшую судьбу. Европейский дом будет построен не по проекту Горбачева; он будет располагаться западнее разрушающейся империи и ее будущих наследников". Дарендорф как в воду глядел! Общевропейский дом ныне отстроен и огорожен натовскими фортами – от Иван-города до Констанцы, а "русского медведя" оставили "на улице", за порогом. На саммите в Самаре было хорошо слышно, как захлопнулась дверь и заперли засовы. "Горбачевцы" мидовские имели кислый вид.

Разные у нас с Западом менталитет и самобытность, и интересы – врозь. Если отбросить словеса и лукавство, то реальности таковы. Европа сегодня – это ЕС плюс НАТО. Идея вступления, даже в туманном далеке, России в НАТО – совершенно нелепая. НАТО и создавалось как силовой инструмент против СССР, а теперь – против России. Когда новый министр обороны США

Гейтс предложил Кремлю создать “совместную” ПРО США и России, он не просто ваньку валял, а холодно давал понять, в какие дебри нас угораздило забрести в воображаемом партнерстве с Америкой. Последняя под шарманку старую о “партнерстве” охватывает нас по границам стальным обручем наступательного стратегического оружия. Еще одна знатная идея – вступление России в ЕС. То-то Жак с Михелем обрадуются гостю! Ведь Европа поневоле будет вынуждена издержаться на выравнивание уровней нашего экономического развития. Однако Россия – не Португалия и не Литва. Уж не говорю про то, что Европа как рынок для наших несырьевых товаров совершенно бесперспективна. На Западе давно есть трезвое понимание, которое некогда социал-демократ Вилли Бранд, неплохо ладивший с Советским Союзом на посту канцлера ФРГ, выразил просто и без экивоков: “Я не верю, что в будущем Владивосток станет частью европейского дома!”

Мы, Россия, – самостоятельный центр развития. Такая уж нам выпала судьба. Русофобия, в которую вновь влегкую впала старушка Европа после расчетливой, на ходы вперед, провокации чухонских неонацистов в Таллине, – всего лишь притворный эмоциональный фон для нажима на опешивших “переговорщиков” в Москве, привычных кротко пережевывать мочало “общеевропейских ценностей”. В закладе интриги хоть и умалчиваемый, но алчный экономический интерес противной стороны. Только на этот раз России противостоит не кайзеровская Германия, а все, скопом, Европейское сообщество, со всей его экономической и финансовой мощью, с ключами заветными от врат ВТО и пресловутой в придачу Энергетической хартией, с которой комиссары ЕС ломаются в чужой монастырь.

И кривда проста...

Россия при Путине, несомненно, общество *идеократическое*. Однако в графе “государственная идеология” – прочерк. И это сокрытие неспроста. Идеология, как-никак, выражение интересов господствующего класса, а Путин у нас “президент всех россиян”. Ему вовсе не с руки расписаться, что *идеология олигархического и “периферийного” капитализма и есть его исповедание как политика*. Но оно так и есть, по умолчанию. Слова – символы и заклинания – “свобода”, “выборная демократия”, “священные права собственности” не могут заполнить зияющую пустоту смыслов существования режима. И кривда тоже может быть проста, чтобы ее легче принимали на веру.

Где первопричина “безыдейности” новорусского правящего класса? “Если русскому капитализму не хватало до сих пор моральной дисциплины, – писал Георгий Федотов, – то одной из причин этого является отсутствие морального зеркала, кодекса чести”. И у нынешних хозяев жизни тоже вовсе нет никакой потребности обрести “моральное зеркало”. И невдомек им, отчего это Запад дичится их, косо смотрит. Да что олигархи с их каиновым грехом! Большинство сколько-нибудь преуспевающих людей в России вполне обходятся без морального “зеркала”. Отражение в нем мешало бы им вкушать прелести “общества потребления”, отгородившись от бед большинства. Те, кто все же жертвует от неправедно нажитого евангельскую десятину, приравнены у нас к подвижникам.

На идеологическом поле каких только экзотических цветов не расцвело – от Кастанеды до Фукуямы, а остановить глаз не на чем – пустынный пейзаж. Будем хоть задним умом честны: советская идеология, сколько бы ее ни хулили, ни передразнивали, не чета “суверенной демократии”. По авторитетной и строгой мерке Александра Зиновьева советская идеология, которую сам-то автор “Зияющих высот” критиковал нещадно, была идеологией “высокого уровня”. Пафос ее в том, чтобы возвысить личность человека. Коллективистская идеология предъявляла к индивиду высокие, быть может, даже максималистские требования. Многие социологи, психологи и просто зрячие люди едины в том, что в атеистическом СССР евангельские моральные заветы укоренены были в повседневной жизни куда глубже и органичнее, чем при нынешней набожной власти. Неспроста, видно, философ Лев Карсавин полагал, что даже воинствующий атеизм при власти Советов являлся всего лишь искаженным порождением глубокой религиозности русского духа. Как бы то ни было, сегодня весь свод нравственных и мировоззренческих ценностей недавнего прошлого порушен.

Коллективизм отброшен, каков же теперь символ веры общества? В президентском Послании к согражданам: "...Конкурентоспособным должно быть у нас все — товары и услуги, технологии и идеи, бизнес и само государство, частные компании и государственные институты, предприниматели и государственные служащие, студенты, профессора, наука и культура". Конкуренция, если на то пошло, это когда более ушлый, сметливый побивает на рынке менее оборотистого. Отнимает его долю, выживает с рынка, а то и по миру пускает... Таковы в мире капитала жесткие правила конкурентной борьбы. "Добро проистекает от зла". Если не блажить, не впадать в ханжество, то надо дознаваться до сути, до конца! А профессор, снявший очки и севший на велосипед, — с кем наперегонки? Кого он должен сразить в конкурентной борьбе?

Хорошо, предпринимателю конкурентоспособность порукой, но госслужащим-то? Во всем мире принято считать, что их дело — править службу честь по чести. Госслужащий и делец — антиподы. Как же их под сурдинку в стихию конкуренции втравливать, когда у нас и без того барышник и столоначальник в одном естестве гнездятся? Не скрою, великоречивый пассаж, настоящая осанна конкуренции из четвертого (2003 г.) Послания президента меня тогда сильно озадачили.

Не нечаянно, а по умыслу власть ополчилась против "иждивенчества" и государственной опеки. Ведь это все ценности "упраздненного" контрреволюцией солидарного жизнеустройства, чуждого "новорусскому", хищническому, то бишь "конкурентному", к торжеству и воцарению которого не ко времени призывает нас президент. Ведь наше общество и без того расколото и ожесточено до крайности.

Вправду ли, что и Запад почитает конкуренцию альфой и омегой экономического преуспевания? Достоверный ответ дает Ральф Дарендорф в эссе "Благое общество": "Богатство, в смысле Адама Смита, или, лучше сказать, благосостояние не являются отныне прямым результатом конкуренции". Он говорит об этом как о факте, а не гипотезе.

Конкурентоспособность — жесткая и безусловная основа предпринимательства, но если распространить ее на все отношения в обществе, то это и будет, по Гоббсу, *борьба всех против всех*. Конкурентоспособность, на которой у нашего президента свет клином сошелся, — противоположность, вызов *соборности* — основе основ великорусского жизнеустройства. Если в президентском Послании содержится пылкая осанна конкурентоспособности как новому символу веры, стало быть, и *соборность* нам, обществу, вперед не порукой на трудные времена, а только — ветхость и верига. И это ведь не праздное упражнение в риторике, а "судьбоносный", мировоззренческий контрапункт, самоопределение новой государственности, присягнувшей на "евангелии" либерализма — Уставе ВТО. Это ее посыл, исповедание, пафос.

Соборность нас, великороссов, выручала, и не единожды, в лихие годы, а вот *конкурентоспособность*?.. Ее-то с чем едят? Ведь мы еще не забывали, что кадеты и русские заводчики в начале прошлого века уже ставили на эту карту, самонадеянно метали банк, а когда выпало России выступить против кайзеровской Германии в Первую империалистическую, то дело обернулось *секвестром даже на Путиловском заводе, введением хлебной продрозверстки в губерниях, а боеприпасы для действующей армии казна покупала за золото у союзников*.

Великодержавность и конкурентоспособность никогда не были слитны!

Меня, однако, более беспокоит смятение и без того мятущегося народного духа, которое власть пробуждает этой своей *фишкой* конкурентоспособности, заведомый ущерб самосознанию общества. Разве не безответственно скоропалительно замахиваться на подмену самого типа духовности, на которой Русский мир зиждется испокон веку? Он и выстоял-то благодаря *соборности* против натиска латинства, тевтонов, Орды и во всех внутренних смутах... Да это же просто ребячество "западничества", в коем в свое время покался и молодой Карамзин, который "...восхищался ими (британцами. — В. П.) и вообразил Англию самой приятнейшей для сердца моего землей". В "Письмах русского путешественника" он, прозревший, откровенен: "Теперь вижу англичан вблизи, однако отдаю им должное, но похвала моя холодна, как они сами". Его, русского мыслителя, смутил и глубоко разочаровал *дух торговли*, которым насквозь пронизан весь строй жизни здесь, на Альбионе. "Строгая честность не мешает им быть большими эгоистами. Таковы они в своей тор-

говле, политике, частных отношениях между собой. Все придумано, все раззочтено, и последнее следствие есть... личная выгода". И ум всякого англичанина всегда обращается к собственной пользе "как магнит к северу".

Карамзин вовсе и не пеняет англичанам, говорит: "Позавидуем им!" Но их уклад, рассудил, чужой, нам не впрок, и мысль его о другом. "Делать добро, не зная, для чего, есть дело нашего бедного, безрассудного сердца", — обращается он к русскому читателю своих лондонских дневников. Тонкая ирония его наблюдений, сопоставлений укладов жизни, похоже, больше метит в чуждый ему всеобщий дух торговли британцев, чем в "безрассудство" сердец "москвитов". Карамзин недоумевал, что "английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми". И эта торгашеская надменность островитян ему попросту смешна.

По старинным ремаркам Карамзина путинская идея конкурентоспособности недорого стоит, а в чужеродных идеях — и вся история тому урок — нам, великороссам, никогда проку не было, какую ни возьми.

Общество, основанное на тотальной конкуренции, ни при каком экономическом строе невозможно. Стихию конкуренции уравновешивает солидарность, свойственная институтам развитого общества. А если все нанизать на "конкурентоспособность", придется и вовсе изъять из Конституции РФ принцип социального государства. Не лишены здравого смысла люди, пожалуй, сойдутся на том, что во многом это уже окажется пустой формальностью. Рожки да ножи остались уже от всеобъемлющих социальных обязательств государства в СССР.

Человек, конечно, не простая "совокупность общественных отношений". Но, увы, в каждом новом поколении возобладает такой тип личности, который общество востребует. В 30-е годы — стахановцы, а в 90-е — "братки". А ведь это один и тот же русский человеческий тип в своей первозданности.

Нравственное созревание человека как гражданина — не компьютерная программа с заданным результатом. Биологическая наследственность, природные качества и свойства, появляющиеся у человека под влиянием негативных воздействий окружающей социальной среды, оказались много сильнее, чем полагали коммунистические идеологи. Христианские моральные заповеди, положенные в основу воспитания, повсеместно нарушаются и извращаются во всех цивилизованных странах. Исключений, пожалуй, нет. А пример сегодняшней Эрэфии просто обескураживающий. Уже двадцать лет, как бывшие советские люди словно с цепи сорвались — с каким-то убийственным тупым остервенением крушат "постылые" нравственные основы человеческого общества, построенного поколениями отцов и дедов.

"Икорный" патриотизм

Если не изменить социально-экономическую модель развития, в недалеком будущем историки напишут, что Россия в 1985 году вступила в заключительный этап своей истории, когда началась, быть может, необратимая историческая драма гибели страны и русского народа. Это трагедия всех и каждого, но осознают ее, испытывают нравственную муку "последних времен" отечества вовсе не большинство великороссов.

Верно, история не знает сослагательного наклонения. Запоздалые угрызения, что трагедии крушения Советского Союза можно было избежать, тщетны. Потомки не примут ни наших покаяний, ни самооправданий. Иной раз слышишь, что Россия за свой век и не такое видала. Дескать, она непременно возродится и вернет себе исконное великодержавие, прежнюю имперскую статью. Такие благостные утверждения, на мой взгляд, не имеют ничего общего ни с историческим оптимизмом, ни с нынешними реалиями. Слова Дантона "Правда. Горькая правда!" — верное напутствие нам. Ничего подобного в русской истории не было. Народ рождается и гибнет в истории лишь единожды...

Сокрытием этих ужасающих смыслов нашего существования денно и нощно занимаются масс-медиа правящего режима. Я не впервой называю путинское правление "медовым термидором", сладким прозябанием. Общество проживает и прожигает труды, материальное и духовное наследие многих и многих поколений до нас, вплоть до Козьмы Минина, за кафтан которого уцепилась теперешняя ворократия, а еще и уральских горнозаводчиков при Петре, дружины Ермака Тимофеевича, героев обороны Севастополя и победите-

лей Курской битвы... Нас хотят уверить, что олигархический и безродный режим — прямой наследник исконного российского великодержавия. И даже некий “Русский проект” вписали в казенную, мертворожденную идеологию правящей партии, исповедующей карикатурный бонапартизм. Недавно “душа новорусского общества”, никелевый миллиардер Прохоров, поведал угодливому телевидению, что давешнее препровождение его во французскую кутузку под венец скандальных похажений в Куршавеле, оказывается, месть злопамятных и завистливых французских буржуа. За что же отмщение? А вот не угадаете — за разгром наполеоновского воинства в России! Это не шутка, а образчик историософии “новых русских”. Ни стыда, ни иронии происходящего с ними они не ведают. Прочертив пунктир от Березины к Куршавелю, новые “элитарии” продемонстрировали уже не квасной, а “икорный” патриотизм. Гульба нуворишей в Куршавеле происходит под трехцветным российским флагом...

Режим измышляет свою “знатную” родословную. Недавно с большой помпой отметили 90-летие Февральской революции. Ничего, мол, не попишешь, как и водится у выходцев из интеллигентного сословия, Керенский-политик оказался незадачлив, излишне щепетилен. А кадеты тоже слишком большие чистоплюи, чтобы палить картечью по бунтующей “черни”. Вот какие укоризны деятелям Февраля 17-го слышны со стороны новейших толкователей исторического выбора России в XX веке. Мужичье и городские низы, дескать, не оценили высоких демократических идеалов Февраля, выпавшего на долю России благоволения Истории. Могли бы как по Невскому прокатиться, с ветерком, к буржуазной Республике, процветающей и благочинной, под стать западным демократиям. “Сладкоголосую птицу небес”, русскую “Марсельезу”, словно пролетарский паровозный гудок, заглушил зычный “Интернационал”... И все грядущие рыночные скатерти-самобранки зловерные большевики растоптали... Октябрь якобы — провал в черную дыру Истории, и весь советский проект, что бы коммунисты ни наворотили “сверхдержавного”, подлежит списанию. Этим неуместным злопамятством, свирепой расправой над самосознанием общества, исторической памятью поколений либералы пестуют в младом поколении психологию Иванов, не помнящих родства. Идеологические радения официозного режима — худший способ его легитимации из всех, какие только можно изобрести. И, пожалуй, за всем этим трубным гласом масс-медиа проглядывает настырное притязание внушить замороченному вконец “электорату” представление о *равновеликости* Октябрьского переворота 1917 года и контрреволюции 1991–1993 годов. Последняя теперь подается не просто как торжество “свободы” над “тиранией”, а откровенней — исторический реванш отечественной, свежо предание, буржуазии. И долгожданное возвращение России в семью цивилизованных народов.

На самом деле Великий Октябрь рядом с ельцинской *революцией* — спор Гулливера с карликом. Октябрь был продолжением бытия исторической России, дал мощный толчок ее экономическому и духовному развитию. Ценой огромных жертв и лишений страна отстояла свою независимость, воплотила неведомый миру социальный идеал равенства. Советский проект показал всем народам альтернативный путь цивилизационного развития. Ложью является идеология, что, не случись Октября, сословная Россия, ведомая компрадо-рами керенскими и колчаками, превратилась бы по волшебству в ведущую в мире державу. На самом деле, не будь победы Октября, Россия еще в 20-е годы прошлого века была бы разорвана на куски “просвещенным” Западом.

(Окончание следует)